

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

Отец и сын едут в Россию

В 1896 г. Семен Николаевич Цвет вернулся в Россию. Позади долгая жизнь в Швейцарии, женитьба на итальянке Марии де Дорозца (до этого она жила в семье братьев Жемчужниковых — тех самых, которые вместе с гр. А.К. Толстым «на троих составили» поэта и мыслителя Козьму Пруткову), рождение сына и ранняя смерть жены. Сыну, кстати, уже 24 года, в России он никогда не был и по-французски говорит куда лучше, чем по-русски.

Действительно, сколько можно жить в этой Швейцарии? Пора домой... С.Н. Цвет — человек деятельный. Энергию он унаследовал от своего отца: купца, умного и оборотистого коммерсанта. Впрочем, сам С.Н. Цвет к переговорам, кажется, вовсе не склонен и потому сделал карьеру гражданского чиновника. Собственно говоря, и в Россию он едет сейчас по той причине, что совсем недавно, в декабре 1895 г. ему предложили новое место — Цвет-старший назначен управляющим Таврической казенной палатой в Симферополе. Это дела служебные. А для души есть литература — Семен Николаевич лично знаком с И.С. Тургеневым, А.В. Анненковым и Виктором Гюго. Не так давно и сам г-н Цвет написал книжечку под названием «К истории русского нигилизма», конечно, о знаменитом романе своего приятеля Тургенева «Отцы и дети».

И вот теперь отец едет на родину, а сын скоро поедет на родину отца.

Пока Михаил Цвет еще в Швейцарии, ему предстоит защита докторской диссертации.

В России М.С. Цвет никогда не был. Четыре года он учился в коллеже Гайар (Лозанна), потом в Женеве, где в 1891 г. коллеж Св. Антуана выдал ему аттестат зрелости. Затем — физико-математический факультет Женевского университета! Знаменитые профессора К. Фогт и Э. Юнг преподавали биологию, Р. Шода и М. Юри — ботанику, Ш. Соре — физику.

Через два года Михаил Цвет уже бакалавр физических и естественных наук. Его научные интересы лежат в области физиологии растений. Иначе и быть не может: университет города Женевы знаменит своими ботаниками. Бюсты классиков установлены в Ботаническом саду, теплицы и лаборатории оснащены по последнему слову науки и техники. Европа!

А вот и закончена докторская диссертация «Исследование физиологии клетки. Материалы к познанию движения протоплазмы, плазматических мембран и хлоропластов» (научный руководитель — М. Юри). Рецензии на работу: диссертация великолепна!

А сам г-н Цвет-младший уже рассказывает своим швейцарским друзьям о том,

что едет в Россию, домой — не больше и не меньше. Ему предлагали место аспиранта в Генуе, но Цвет отказался: огромная страна (будто по законам физики) роковым образом притягивает к себе молодого ученого. Ничего не поделаешь! Домой, домой — и там работать, в России и для блага России.

...Путь в Симферополь лежит практически через всю европейскую часть Империи. С изумлением швейцарский г-н доктор констатирует: он здесь иностранец. Что? Да ведь здесь и поговорить даже не с кем!

А вот и сам Симферополь. И что за город такой? В Крыму, но далеко от моря. Дома, конечно, каменные, улицы мощеные и шоссированные, образцовая чистота, акации растут. Но что здесь делать ученому человеку? Настроение у Цвета весьма неважное. У заграничного ученого начинается русская хандра.

Все правильно — сколько же можно, в самом деле, человеку бездельничать? И вот, наконец, почта приносит в Симферополь докторский диплом из

Нужно искать работу, а пока из всех возможных источников дохода есть только папины деньги. Гм, получается очень неудобно... Из Симферополя М.С. Цвет едет в Санкт-Петербург. И тут молодому ученому в России впервые улыбается удача: он начинает работать в биологической лаборатории профессора П.Ф. Лесгафта.

Чем кончается столичная жизнь

Петр Францевич Лесгафт — выдающийся врач, анатом и педагог — по доброй традиции образованных людей того времени уже 25 лет состоит под надзором полиции. В 1893 г. он открыл Биологическую лабораторию, в которой теперь М.С. Цвет заведует Ботаническим отделением, занимается исследованиями хлоропластов и читает лекции курсисткам.

Все свое свободное время Михаил Семенович Цвет проводит в лабо-

М.С. Цвет
(14 мая 1872—26 июня 1919)

Швейцарии. Но почтовое ведомство зря старалось: ни европейская магистратура, ни европейская докторская степень на территории Российской Империи не действительны! Здесь экзаменационные требования свои и, как говорят — более строгие. Если какие-то предметы и будут зачтены, то научную карьеру, по большому счету, в России придется начинать сначала. Кто бы мог подумать?

И вот 15 декабря 1899 г. на заседании Ботанического отделения Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей он сделал сообщение «О хлорглобине», а 19 апреля следующего года — доклад «О природе хлорглобина», после которого был избран действительным членом Общества. В 1899 г. М.С. Цвет держит магистерский экзамен в Казанском университете, там же защи-

щает в 1901 г. на тему «Физико-химическое строение хлорофилльного зерна».

Конец работе у Лесгафта пришел несколько неожиданно: 4 марта 1901 г. на площади перед Казанским собором произошел печально знаменитый разгон студенческой демонстрации.

В Питере у бунтующих студентов это было любимое место: еще в 1876 г. они здесь дрались с полицией. Кстати, тогда с зажигательной речью к ним обратился не кто-нибудь, а бывший воронежский кадет Георгий Плеханов.

А сейчас дела обстоят еще хуже.

До революции 1905 г. было еще далеко, но на политическом горизонте России уже сгустились тучи. Немудрая политика министерства народного образования под руководством гр. Делянова привела к тому, что учащаяся молодежь к началу XX в. стала, выражаясь языком науки биологии, настоящей «питательной средой» для революционных идей любого толка. И, действительно, неприятности не заставили себя долго ждать. На основании знаменитых «Временных правил» (1899) в Киеве 183 студента университета в январе 1901 г. были отданы в солдаты за участие в несанкционированной студенческой сходке. В феврале был убит министр народного просвещения Боголепов.

Студенты волнуются не только в Петербурге, но и в Москве, и в Харькове.

И вот — 4 марта состоялась грандиозная демонстрация возле Казанского собора. Власти, не на шутку перепуганные, явно переусердствовали и применили грубую физическую силу. Результатом силовой акции стало, разумеется, не успокоение в обществе, а нечто обратное. По стране ползут слухи, в газетах опубликовано правительственное сообщение о событиях 4 марта; публикуется «Циркуляр министра внутренних дел по Департаменту полиции, губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам», который предписал навести порядок, «не останавливаясь перед необходимостью действовать строгостью и силой <...> прибегать к содействию войск...»; 12 марта официально сообщается о закрытии Союза взаимопомощи русских писателей. Как и надо было ожидать, в правительственном сообщении о жертвах побоища ничего не говорилось. Но вот известный в то время литератор В.А. Поссе 8 марта писал: «„Правительственному сообщению“ не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее. Несколько студентов убито...».

Реальность была такова. Полиция и казаки по приказу градоначальника Санкт-Петербурга петербургского градоначальника Клейгельса избили участников демонстрации — студентов и курсисток. Сгоряча досталось и кому-то из прохожих, которые пробовали заступиться за молодежь.

Затем, как водится, начались обыски и аресты, на особом подозрении были лица образованного сословия. Из Петербурга О. Л. Книппер уже 5 марта писала А.П. Чехову: «Здесь страшные студенческие беспорядки, опять казаки, нагайки, убитые, раненые, озверелые, все, как быть должно <...> Настроение в обществе ужасное». Чехов пишет ей 18 марта из Ялты: «Получаю письма из Питера и из Москвы, довольно зловещие, читаю с отвращением газеты».

Продолжение следует